

КАЖДАЯ РОЛЬ — ГЛАВНАЯ

В ПРОГРАММЕ спектакля Театра имени В. Ф. Комиссаржевской «Синие кони на красной траве» значится: «Об одном дне жизни В. И. Ленина рассказывает С. Н. Ландграф». Это не историко-революционное и не биографическое произведение. Это открытая публицистика, спектакль-митинг, обращенный к зрителям. Среди действующих лиц нет сценического образа Ленина в том плане, как мы привыкли видеть его в спектаклях — в исторической, человеческой, художественной конкретности. Драматург и театр попытались материализовать слова Н. К. Крупской: «Образ Ленина — это мысль Ленина».

На авансцену из-за кулис выходит высокий, худощавый, уже не молодой человек в строгом темном костюме. Он внимательно все вокруг оглядывает — знакомый ленинский кабинет, большой стол с лампой, кресла — и обращается прямо в зал. Сосредоточенно, неторопливо характеризует обстановку действия, события, людей и как-то совсем незаметно и естественно вводит нас в круг ленинских забот и раздумий.

Без притязаний на портретное сходство, характерную интонационность речи или своеобразную пластику жестов актер участвует в беседах, спорах с соратниками Ленина по революционной борьбе, работниками государственного аппарата, с родными, выступает перед молодежью. Мгновенные реакции, глубинные оценки происходящего передают предельное напряжение и энергию ленинской мысли.

Оставаясь знакомым зрителю актером, Станиславом Ландграфом, он доводит до нас удивительно человеческую чистоту Ленина. За делами повседневными встает драматическая реальность истории и утверждает ленинские критерии нравственности.

Заслуженный артист республики Станислав Николаевич Ландграф выступает в этом спектакле как зрелый художник, большой мастер. Здесь ярко проявились такие качества его дарования, как умение мыслить на сцене, проявлять невысказанное.

Все это пришло к артисту не сразу. Творческую биографию Ландграфа можно назвать счастливой. Путь на сцену был прямым и естественным: клуб юных любителей искусства при детском кинотеатре «Родина»,

потом ТЮТ (театр юношеского творчества Дворца пионеров имени А. А. Жданова), наконец, Ленинградский театральный институт и уже на третьем курсе дебют на профессиональной сцене — одна из главных ролей в спектакле Театра имени В. Ф. Комиссаржевской «Случайные встречи».

Раннего успеха, однако, не было. Того громкого, шумного успеха, когда на другое утро после премьеры спектакля или фильма молодой актер просыпается знаменитым. Постепенно с годами шел процесс накопления не только мастерства, но и жизненного опыта, обрелись твердые представления об истинных человеческих ценностях, умение на сцене (через создание художественного образа) сказать свое решительное слово в их защиту или осуждение.

Этапной работой стало в свое время участие в спектакле «Насмешливое мое счастье», где Ландграф выступил в роли Чехова. Артист не просто доносил до зрителей загадочную притягательность личности писателя, не просто показывал разлад его натуры с условиями жизни, но раскрывал трагедию «преждевременного человека», родившегося немного рано. Человека, душевное богатство которого оказалось потому невостребованным.

Смысл творческих исканий Ландграфа в том, чтобы не просто предложить зрителям оригинальный или, напротив, банальный характер, но и представить им определенный человеческий тип, раскрыть его до возможных пределов, до полной откровенности. В лучших ролях это ему удается.

Играя Чехова, он разрушил музейное представление о писателе, которого мы много раз видели на знакомых портретах: строгий спокойный взгляд, привычное чеховское пенсне. На сцену выходил вспыльчивый, неумолимо-энергичный человек, с трудом зажавший себя в строгие сдержанные рамки. Мы понимали, и как неумолимо его желание видеть мир, как страстно хочется колесить по свету, в то время как тяжелый недуг приковывает к постели. И как мучительно сдерживать порывы нежности к Лике Мизиновой из боязни показаться пошлым. И какую горечь несет разлука с женой — блестящей артисткой. Художественного театра, женщиной умной, властной, изящной.

Счастье не состоялось. Каж-

дый этап судьбы — новая драма, новая потеря, еще один удар. Хотя, казалось бы, именно такой человек, владеющий изумительным богатством — душевной красотой, был как никто другой достоин счастья. Ландграф, однако, не играл сложенного человека. На полтонах, на подтексте он прорывался к другому, более значительному смыслу происходящего, своим исполнением утверждал идею внутренней свободы, отстоять которую человек может и должен даже в самых тяжелых для него обстоятельствах. В Чехове Ландграф подкупала высота нравственного чувства.

Можно видеть только верхний слой — ход событий, формальные связи, взаимоотношения героев. Можно видеть подтекст, философию образов, авторскую позицию, метод художественного мастерства. Можно добиваться копирования жизни, а можно размышлять о ней. Большим художником актер становится тогда, когда, создавая на сцене разные характеры, решает их с точки зрения своей жизненной позиции, своих этических и эстетических взглядов.

Пожалуй, именно работой в спектакле «Насмешливое мое счастье» Ландграф начал важнейший разговор со зрителем об ответственности перед обществом за свою судьбу, за свой жизненный выбор. Образ Чехова положил в творчестве артиста начало теме: талантливая личность и ее взаимоотношения с миром.

ГЕРОИ актера могут иной раз показаться чересчур выстроенными, рационально сконструированными, заданными. Но большей частью это не так. Ему просто свойственно чувство логики в каждый момент пребывания на сцене, постоянное ощущение гражданской цели спектакля, роли, отдельной реплики.

...Жалкий, скрюченный, спрятавший голову куда-то подмышку, лежит на полу тюремной камеры Герострат. Его только что отбили стражники у разгневанной толпы и заперли здесь. Наутро его ждет казнь за то, что в порыве дикого эгоизма, желая прославиться, уничтожил величайшее произведение античного искусства — храм Артемиды.

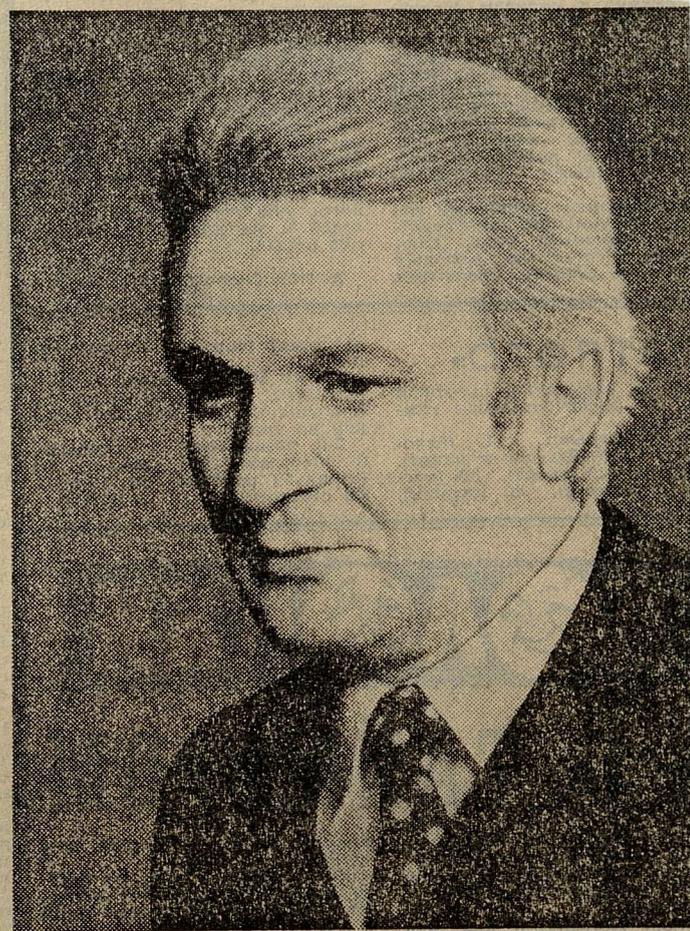
На грани предельно заостренного преувеличения создает Ландграф в спектакле «...Забить Герострата!» образ честолюбца, хитроумно и тонко иг-

рающего на низменных человеческих инстинктах. Его Герострат тоже по-своему сильная и талантливая личность, ловко приспособливающаяся к любой обстановке. Вот он с кривой, то заискивающей, то как будто намекающей на что-то улыбкой пытается заговорить со стражником. Он еще не очень надеется на удачу, подкупая тюремщика, не очень уверен в успехе сделки, продавая ростовщику свои «мемуары», в которых рассказал любителям сенсаций об исключительных переживаниях во время поджога. Но на глазах шаг за шагом этот Герострат шалает и наглет от безнаказанности. Он уже не просит, а требует, угрожает.

Когда с факелом в руках он крался к храму, поднимаясь, так сказать, из небытия своей частной жизни на подмостки публичности, он еще не знал, чем станут они для него, — шафотом или пьедесталом. Но, быстро поняв, что сенсация — вульгарное и шумное порождение духовного кризиса общества — неожиданно связала его, ничего плебея, с сильными мира сего, он торжествует победу. Вначале трусливо суетящийся, сжигаемый завистью и ненавистью, он теперь — хозяин положения. Привольно раскинувшись на нарах, цинично торгуется с первой дамой Эфеса, демонически честолюбивой женой правителя, за публичное утверждение, будто сжег храм от безответной любви к ней. Небрежно снисходителен он и с самим поводителем Эфеса, испытывающим нужду в Герострате.

В самых фарсовых ситуациях Ландграф остается чрезвычайно убедительным благодаря огромной внутренней наполненности. Оставаясь в четко выстроенном логическом и пластическом рисунке роли, он наполняет его живой импровизационностью. И при том не утрачивает способности все время как бы видеть своего героя со стороны, пронизывать над ним, не принимая всерьез ни своих слов, ни ситуаций, складывающихся на сцене.

Мы всегда узнаем Ландграфа, его голос, его актерскую манеру. Он почти не прибегает ни к гриму, ни к каким бы то ни было приемам актерской механики, позволяющим внешне почти неузнаваемо меняться от роли к роли. В том-то и загадка Ландграфа, что, оставаясь внешне самим собой, он ка-

ждый раз неуловимо меняется.

Одетый в голубой кафтан, подчеркивающий статность фигуры, с уверенным взглядом светлых глаз появляется он в первой части — в спектакле «Смерть Иоанна Грозного». И тут же вскоре мы замечаем в этом прямом открытом взгляде ледяную холодность. На ум приходит образ царственного красивого зверя, готовящегося к прыжку. Боярин Годунов начинает свой путь к власти, искренне убежденный, что она будет благом для Руси.

Во второй части («Царь Федор Иоаннович») он, по сути, становится правителем при слабом царе. В нем все та же мужественная стать, все то же сдержанное, несуетное лицо. И взгляд прям. Но видна та особая тяжелая сосредоточенность, за которой угадывается неумолимый темперамент. Власть не принесла ожидаемых плодов. Она все время требует жертв, он снова казнит врагов, отправляет в ссылку смутьянов, сеющих междоусобицу, мешающих задуманному им делу. Но в стремлении к могуществу Руси он растит и свое честолюбие. Ландграф блестяще раскрывает жесткую логику мировоззрения Годунова, личности сильной, властной, притягивающей своим недожженным умом, не-

обычной твердостью характера и одновременно отталкивающей потаенным своекорыстием. И вот конец пути — теперь он сам царь. Хочет быть монархом добрым, праведным, щедрым. Но тщетно. Душу сожгла ненависть. На нас смотрят, словно обугленные, давно уже пустые глаза.

Ландграф поднимается в этой работе до высот трагедии. Его герой расплачивается не за совершенную ошибку, а за свою нравственную позицию. Преступая законы человечности, он совершил преступление и против себя.

О работе своей Станислав Николаевич говорит очень серьезно. Вот уже несколько лет возглавляет он партийную организацию. Вместе с главным режиссером Р. С. Агамирзяном заботится о воспитании молодых, о поддержании в коллективе атмосферы сопричастности, когда каждый думает об общем деле. На стандартный вопрос: а чем еще увлекались, кроме театра? — отвечает без колебаний и просто: «Мое «хобби», как теперь принято называть, — это работа». Какое же счастье, когда работа — самое любимое дело, которому ты служишь.

К. КЛЮЕВСКАЯ
Фото Л. Марголина